

Научное приложение. Вып. CCLXXIX

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Государственный институт искусствознания

Виолетта Гудкова

МИХАИЛ БУЛГАКОВ,
ВОЗМУТИТЕЛЬ
СПОКОЙСТВИЯ

Несоветский писатель
советского времени

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2025

УДК 821.161.1(092)Булгаков М.А.
ББК 83.3(2=411.2)6-8Булгаков М.А.
Г93

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CCLXXIX

Гудкова, В.

Г93 Михаил Булгаков, возмутитель спокойствия: Несоветский писатель советского времени / Виолетта Гудкова. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 696 с.

ISBN 978-5-4448-2650-8

Уже более ста лет произведения М. Булгакова не просто присутствуют в литературной и историко-культурной жизни страны — они продолжают вызывать бурные споры во всем мире. Книга Виолетты Гудковой — это попытка проследить историю рецепции булгаковских текстов в России от раннего этапа его творческой карьеры и до первых десятилетий XXI века. Автор сводит воедино самые разные интерпретации творчества М. Булгакова, анализируя, как менялись оценки его произведений литературными и театральными критиками на протяжении рассматриваемого времени, что писали об авторе «Мастера и Маргариты» современники в письмах и дневниках, каковы были режиссерские задачи при постановке булгаковских пьес и реакция зрителей на них, что в текстах автора не устраивало цензуру. Завершается книга тремя главами общего характера, в которых реконструируется последовательность публикаций наследия писателя, существенные трансформации его образа, происходившие в 1970–2000-е, и ряд размышлений о поэтике Булгакова. Виолетта Гудкова — историк театра, литературовед, текстолог, ведущий научный сотрудник отдела театра Государственного института искусствознания, автор вышедших в «НЛО» книг «Юрий Олеша и Вс. Мейерхольд в работе над спектаклем „Список благоденствий“», «Забытые пьесы», «Театральная секция ГАХН» и «Рождение советских сюжетов».

УДК 821.161.1(092)Булгаков М.А.
ББК 83.3(2=411.2)6-8Булгаков М.А.

© В. В. Гудкова, Государственный институт искусствознания, 2025
© С. Тихонов, дизайн обложки, 2025
© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
Первые отзывы о писателе: резкость и ясность. Рождение репутации. 1923–1927	14
Явление драматурга: «Дни Турбиных»	38
Присутствовала ли политика в «сценах из борделя». «Зойкина квартира»	101
Несвоевременное напоминание о свободе творчества. «Багровый остров»	127
«Я не читал, но я хочу сказать...» «Бег»	147
«Автор хочет бить нашу цензуру, наши порядки...». «Кабала святош»	184
«...Ведь я не совсем еще умер, я хочу говорить настоящими моими словами!» 1931–1934	203
«Я похож на человека, который лезет по намыленному столбу...» 1935–1937	242
«Тоска охватила меня, потому что я чувствую, что единственный день мой кончается...» 1938–1939	270
«С гнилым либерализмом у нас покончено...» 1940-е	300
Вернуть утраченное время. Возвращение булгаковских пьес на отечественную сцену. 1950-е	320
«Гармонические люди из элегантных покоев» — или «Россия, одетая в шинели». Новые «Турбины». 1960-е	346
Социальная диагностика 1970-х. Дьявол как спасение?	382
Человек в истории, или Нужно ли режиссуре историческое знание. 1980-е	411
«...Чтобы заставить трудиться душу читателя». 1990-е	456

«Не так велики уж художественные достоинства твоего романа, чтобы из-за него идти на Голгофу». 2000-е	482
«Возвратить читателю исчезнувшую реальность...» 2010-е	531
Этапы публикации наследия Михаила Булгакова	560
Лики героя. Как изменялись образы писателя	597
Что организует поэтику Михаила Булгакова	638
Послесловие	673
Указатель имен	677

К ЧИТАТЕЛЮ

Ну вот, еще одна книга о Булгакове. И автор хорошо понимает, что «пьес уж довольно написано», как справедливо замечено тетушкой Ивана Васильевича из «Записок покойника».

Задача этой книги проста: проследить, как менялось в России восприятие произведений М. А. Булгакова начиная с первых его шагов по литературному пути и до начала XXI века. Попытаться показать, что актуальность его произведений не исчезает, а в различные времена лишь наливается новыми смыслами, проявляя оттенки, которые не прочитывались прежде.

Необходимо уточнить: восприятие — кем? Соединены два русла: художественное (театр) — и аналитическое (литературоведение), как правило, рассматривающиеся порознь. В каждой главе рассказывается, что вычитывал из Булгакова театр, как спектакли интерпретировала критика — и что за идеи предлагали литературоведы. И не менее важный вопрос: слышали ли гуманитарии разных отраслей друг друга? Хотелось понять, как литературоведческие интерпретации опережают театральные (или наоборот), сплетаются с ними и на них опираются, вступают друг с другом в спор — либо просто протекают двумя параллельными и не пересекающимися, неизвестными одно другому ответвлениями гуманитарного знания и художественного творчества.

Работа основана на фундаменте освоенного ранее, ее смысл заключается в попытке перемены видения знакомых текстов, идей, представлений. Любое существенное обновление ракурсов прочтения наследия известного писателя связано либо с накоплением и расширением источниковедческого

материала, либо со сменой историко-культурной ситуации в обществе, дающей новую точку зрения в интерпретации старых текстов. Представляется, что сегодняшний день соединил и то и другое.

Прежде всего, в последние годы основательно пополнилась фактологическая база: текстологические исследования Е. Ю. Колышевой, новые книги, от А. Н. Варламова и О. Я. Поволоцкой до О. Е. Этингера и М. В. Мишуровой, публикация архивистами ФСК (ФСБ) агентурных сводок о писателе и, наконец, массив информации, представленный в томах фундаментального библиографического Указателя произведений Булгакова и отзывов о них.

Рассказ о том, как менялось видение булгаковского творчества за такой длительный временной отрезок (столетие), делает неизбежным некоторую пунктирность повествования: крупный план всего заслуживающего внимания материала попросту невозможен. Работа, безусловно, не «энциклопедична»: немислимо собрать под одной обложкой рассказы о всех статьях и книгах, всех спектаклях за минувшее столетие. Их выбор связан с движением общественной мысли о Булгакове.

Выработка целостного знания о том, как именно шла рецепция творчества М. А. Булгакова советским и постсоветским литературоведением, театроведением и театральной режиссурой, невозможна без проверки и уточнения устоявшихся концепций и предложения новых исследовательских гипотез.

Наследие Булгакова изучается более полувека. За это время количество монографий и статей выросло до масштаба, по-видимому, уже не поддающегося исчислению. Литература о Булгакове огромна, овладеть ею во всей ее полноте почти невозможно. Первооткрыватели, авторы ключевых, опорных работ забываются, и дело не в том, что исчезают имена предшественников, а в том, что искажается процесс узнавания, время уплощается, все совершается сегодня, вчерашний же день тонет в тумане неопределенности и беспомысленности. И кажется важным рассказать об одном (на фоне всемирного интереса к Булгакову небольшом, но существенном) фрагменте

изучения его творчества: о российском булгаковедении и освоении произведений писателя отечественным театром.

Стоит предупредить о том, что, несмотря на стремление пишущего оставаться в рамках академического анализа, субъективизм повествования, проявляющийся и в структуре работы, и в отборе событий, фактов, оценок и проч., — не скрываем.

К тому же фигура автора временами раздваивается: на театрального либо литературного критика — и исследователя. Было бы странным и неестественным, даже фальшивым пытаться делать вид, что «меня тут не стояло» в 1970–1980-е годы, время идеологических драк за наследие писателя, за то, чтобы оно наконец встретилось с читателем — пусть и не тем, для которого все создавалось в 1920–1930-е годы. Десятки статей, написанных и опубликованных автором, так или иначе включены в повествование. И в книге приходится выступать и как свидетелю, очевидцу, активному участнику событий, и как историку литературы и театра, стремящемуся «держат дистанцию» в размышлениях о творчестве писателя.

Начать было естественным с напоминания о реакциях и отзывах современников — как тех, кто публиковал статьи и рецензии на газетно-журнальных полосах и в книгах, так и тех, кто на долгие десятилетия был этой возможности лишен. Работа предлагает вспомнить, как читали и смотрели на театральные подмостках вещи Булгакова, что писали и печатали о нем и его произведениях отечественные критики нескольких поколений — и что оставалось в дневниках и частных письмах. Как спорили по поводу трактовок давно, казалось бы, известных его вещей и как сменялись их оценки.

Только представим себе диапазон людей, высоко ценивших творчество Булгакова: от К. С. Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, А. Я. Таирова, А. Белого и М. Волошина до Г. А. Товстоногова, Ю. П. Любимова, А. И. Солженицына и М. М. Жванецкого, то есть от ключевых фигур отечественной сцены и символистов Серебряного века до тех, кто отыскивал новые пути в театре и литературе XX и даже XXI века.

В ходе работы замысел усложнялся, нельзя было не понимать, что необходимо обрисовать хотя бы в общих чертах

(но опираясь на выразительные факты) и историко-культурный контекст существования булгаковского наследия. Предельно сжатый по условиям работы, он тем не менее — один из существенных элементов повествования.

Несколько слов о структуре книги.

Открывает ее глава общего характера, где рассказывается, как быстро сложилась репутация молодого литератора и каким весомым художественным авторитетом он обладал уже к середине 1920-х годов. Это значит, что привычные представления о Булгакове преимущественно как «жертве травли» не просто корректируются, но резко меняются.

Затем идут четыре главы о трех московских спектаклях: «Днях Турбиных», «Зойкиной квартире», «Багровом острове» — и спорах вокруг так и не поставленного «Бега».

Следующее десятилетие, 1930-е годы, — время запрещения всех пьес и репетиций спектаклей. И главы выстроены по-иному: год за годом рассматривается меняющаяся ситуация вокруг.

1940-е — уход писателя и начало истории «жизни после смерти». 1950-е — медленное возвращение на российскую сцену «Дней Турбиных» и первые литературоведческие статьи. 1960-е — начало публикаций пьес, выход к читателю «Записок покойника», а во второй половине десятилетия — «Мастера и Маргариты». В 1970–1980-е разгорается нешуточная борьба за присвоение имени и авторитета писателя различными общественно-политическими группами литературных критиков, полярным образом трактующих и биографию автора, и его сочинения. Десятилетие 1980-х — пик освоения булгаковского наследия. На сценах страны идут, кажется, все его вещи, ставятся не только пьесы, но и проза, от «Морфия», «Роковых яиц» и «Собачьего сердца» до «Записок покойника» и «Мастера и Маргариты». Это приводит к возможности размышления о новаторской поэтике Булгакова, для которого драматургия и проза воспринимались «как левая и правая рука пианиста».

Столетний юбилей (1991) и особенности его празднования сообщают о канонизации нового имени — и некотором охлаждении интереса к нему. Хотя в начале 1990-х к зрителям выходят первые спектакли по только что опубликованным

пьесам «Адам и Ева» и «Багровый остров», проявившие не ушедшую актуальность старых вещей.

2000-е свидетельствуют об утрате интереса режиссуры к отечественной истории. В литературоведении оригинальные идеи и концепции уступают место тотальному комментарию.

В 2010-е появляются принципиальной важности исследования литературоведов. Два русла гуманитарного знания, литературоведение и театральная критика, могут взаимодействовать, объясняя творческие открытия автора, подталкивая сцену к новому пониманию человека в мире. Но этого не происходит. Часть режиссеров и исследователей будто живут в разных исторических временах. А театральные работы, кажется, вовсе освобождены от булгаковских текстов и смыслов.

Завершают книгу три главы общего характера. Рассказ о рецепции булгаковского творчества на протяжении века дополняет еще и последовательность (порядок) публикаций наследия писателя, существенные трансформации его образа, происходившие в 1970–2000-е, наконец, некоторые размышления о поэтике Булгакова.

Надо сказать и об особенностях комментирования.

Ранее комментатор, знаток, эксперт делился знанием, принадлежащим ему одному, посвящая обычного, не слишком осведомленного об историко-культурном контексте читателя в детали, скрытые в художественном произведении, рассказывая неизвестные тому факты, и тем самым углублял прочтение текста. В годы, когда собственно историческое знание было запретным, полузапретным, частично запретным, комментарии прочитывались с неменьшим интересом, нежели само произведение (как это происходило в годы перестройки, когда публикаторский бум, приведший к широкому читателю десятки запрещенных сочинений 1920–1930-х и более поздних лет, потребовал прояснения исторического фона).

За последние десятилетия в работе комментаторов произошли принципиальные изменения — по разным причинам. Комментирование, предоставляющее информацию, которая уточняет, расширяет понимание комментируемого текста, в 1960-е годы было одним, в восьмидесятые — иным.

С появлением огромного массива легкодоступной информации в интернете — третьим. Ясность задачи начала уходить. Если в 1980-е много писали о личностях публицистов, вершащих суд над нелояльными писателями сталинской поры, то в 2000–2010-е повторять их характеристики стало излишним. Имена Л. Авербаха, В. Блюма, В. Киршона, А. Орлинского, Р. Пикеля, кажется, известны всем. Академическое правило комментировать все без исключения фамилии, организации, события теперь кажется избыточным, так как при появлении вопроса достаточно один-два раза кликнуть в интернете, чтобы получить ответ. Поэтому автор считает полезным рассказать о фигурах, остававшихся в тени (как не самые известные в стране режиссеры, создавшие важные спектакли, драматурги третьего ряда, чьи сочинения ярко обозначили тенденцию, либо следователи ОГПУ, проводившие допросы Булгакова), уделяя меньше внимания известным публичным лицам.

Сегодня, кажется, резко сменился адресат книг. Трудно угадать (предположить), что именно в новом тексте окажется ему неизвестным либо непонятым. Частые перемены и изъятия из школьных программ и лежащее в руинах гуманитарное образование обнажило разлившееся невежество не только школьников, но и студентов.

Отсылки к источникам необходимы для выстраивания системы аргументации, это фундамент работы. Но излишние сноски, разъясняющие частности, необязательные для развития мысли, тормозят чтение, рассредоточивая внимание читающего. Цель работы — опираясь на уже сделанное раньше, рассказать о новом. Ведь «есть же еще и другие книги», по афористическому замечанию профессионального редактора Л. А. Пичхадзе.

Самая приятная часть вступления — назвать тех, кто помогал автору в работе. Традиционная (многолетняя) признательность сотрудникам научной библиотеки СТД РФ, а также дружелюбному и компетентному коллективу РГБИ.

Моя искренняя и глубокая признательность за возможность заинтересованных обсуждений работы на международных конференциях в РГБИ, РГГУ, музее Булгакова. Коллегам

по отделу театра Института искусствознания — В. В. Иванову, Л. М. Стариковой — за высказанные ими замечания и соображения. Во время работы всегда нужны слова одобрения и поддержки. Но безусловно, я благодарна и тем, кто не скрывал своего скепсиса по поводу данной работы: их критические суждения способствовали продуманности моих умозаключений и формулировок. Как сказано умудренным автором (в булгаковских «Записках покойника»), «...решил я все же взглянуть со стороны на себя построже, и за это решение очень обязан Ликоспастову».

Работа над книгой была сопряжена с трудными этическими вопросами.

Многие из любимых коллег ушли из жизни. Нет и некоторых, скажу аккуратно, оппонентов. И сложна, и мучительна проблема — как говорить и спорить с теми, кто уже не сможет ответить. Но восстанавливая историю развития отечественного булгаковедения, необходимо сказать о значимых книгах и статьях, даже и в тех нередких случаях, когда ты с ними не согласен. Умолчание страшнее — ведь мы живем столько, сколько читают наши книги.

Scripta manent — написанное остается.